

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ЛЕЗГИНСКИЙ ИРРЕДЕНТИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФАКТОР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Д.И. Узнародов

Термин «ирредентизм» впервые появился в Италии в конце XIX-начале XX веков и обозначал социально-политическое движение за присоединение к Италии приграничных австро-венгерских территорий с итальянским населением (Трентино, Триеста и др.). На сегодняшний день ирредентизм представляет собой один из видов национальной политики государства, реализуемой политическими партиями, либо движениями и направленной на интеграцию рассеянных по миру этнических групп, компактно проживающих на территориях государств, имеющих общие границы [3].

Для России проблема «разделенных народов» является актуальной уже на протяжении нескольких десятилетий, представляя собой наследие советской национальной политики. После установления в государстве советской власти характер национальной политики претерпел значительные изменения, страна была разделена на «титულные» и «нетитулные» этнические группы, из унитарного государства Россия трансформировалась в этнотерриториальную федерацию. Ключевым принципом национальной политики стал принцип «попарного сдерживания национализма», что окончательно было закреплено в реформе административно-территориального устройства, которая была произведена советскими властями в 20-е годы прошлого века [16, с. 22].

Следует подчеркнуть, что в период распада СССР и сопровождавшего его парада суверенитетов принцип «попарного сдерживания национализма» не способствовал сдерживанию центробежных тенденций, а в определенных моментах даже обострил их. Дали о себе знать проблемы так называемого «внутреннего ирредентизма», ставшего в постсоветской России одним из наиболее значимых факторов социально-политической нестабильности. Особенно остро проблемы внутреннего ирредентизма нашли свое проявление в северокавказском регионе [16, с. 22].

В настоящее время в этом регионе существует ряд субъектов, обладающих определенным ирредентистским потенциалом. К ним относятся Республика Северная Осетия (осетинский ирредентизм), Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика (черкесский ирредентизм), Ставропольский край, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика (ногайский ирредентизм). Во многом, ирредентистский потенциал данных этносов был заложен именно на заре советского периода, когда институционализация этничности, сопровождающаяся перекройкой административных границ, виделась для тогдашних властей страны чуть ли не единственным возможным вариантом решения различных проблем, связанных с ликвидацией большого количества центробежных тенденций в регионах в тот период.

К этническим группам, обладающим определенным ирредентистским потенциалом, относится также и лезгинский этнос. Разделение лезгинского этноса произошло еще в 1921 году, когда властями страны было принято решение провести границу по реке Самур, в результате чего часть лезгин оказалась в составе Азербайджана, а другая часть – в составе Горской Республики (Республики Дагестан). В период существования Советского Союза данный вопрос стоял не очень остро, прежде всего, в виду отсутствия государственной границы между Дагестаном и Азербайджаном, однако время от времени «лезгинский вопрос» получал определенную актуализацию. Первый активный протест представителями лезгинского этноса был выражен 5 декабря 1921 года, когда Совет народных депутатов Дагестана объявил спорными занятые Азербайджаном лезгинские земли и потребовал их возврата, а в 60-е годы XX века проблема разделенности лезгинского народа активно поднималась национальной интеллигенцией, в частности, в 1965 году журналистом И. Казиевым была сформирована неформальная лезгинская организация, главная цель которой состояла в создании отдельного административного образования, которое бы объединило все территории, компактно населенные лезгинами [5, с. 3]. Третья волна актуализации «лезгинского вопроса» датируется уже периодом распада СССР, когда в сентябре 1991 года на первом общенациональном съезде представителей лезгинского народа была официально озвучена инициатива о необходимости создания государственного образования Лезгистан в составе Российской Федерации [16, с. 23]. В тот же период «лезгинский вопрос» приобретает геополитическую составляющую. Прежде всего, это было связано с принятием конституционного акта «О государственной независимости Азербайджанской Республики» 18 октября 1991 года и провозглашением республикой государственной независимости в декабре того же года. С этого времени проблема лезгинского ирредентизма перестает быть исключительно внутривосточным вопросом одного государства, поскольку начинает напрямую затрагивать интересы еще одного суверенного государства – Республики Азербайджан.

Начало 90-х годов прошлого века является периодом наиболее активного развития лезгинского национального движения. В это время появилось сразу несколько социально-политических движений, выражающих интересы лезгинского этноса: на территории Российской Федерации – Лезгинский Национальный Совет и Лезгинское Национальное Движение «Садвал» (в переводе с лезгинского – «Единство»), а на территории Азербайджана – Лезгинский национальный центр «Самур» и Лезгинская Демократическая Партия. Наиболее влиятельной структурой за время своего существования показало себя движение «Садвал», сформированное 14 июня 1990 года. В качестве основной цели своей деятельности «Садвал» выделяет восстановление целостности лезгинского народа с последующим созданием отдельного административного образования – Республики Лезгистан [5, с. 3].

В 1992 году движением «Садвал» были проведены массовые акции протеста с требованием создания единой Республики Лезгистан, однако

большой поддержки населения протесты тогда не получили, растворившись среди многочисленных событий, связанных с «парадом суверенитетов», проходившим в тот период на территории постсоветских государств [13].

Период наибольшей активности движения «Садвал» датируется 1993-1994 гг., когда организацией руководил генерал М. Кахриманов. В этот период часто были слышны призывы к силовому изменению границ [11, с. 113]: в 1993 году были организованы нападения на погранзаставу в Кусарском районе Азербайджана, где доля лезгин, согласно переписи населения 2009 года, составляет 90,63% [15].

В 1995 году активность радикального крыла организации существенно уменьшилась: движение отказалось от силовых методов борьбы, а основными требованиями являлись свободное пересечение российско-азербайджанской границы и создание свободной экономической зоны «Самур» в районе компактного проживания лезгин [11, с. 113]. Возрождение радикального крыла движения происходит в конце 90-х годов, когда «Садвал» вновь начинает сочетать законные и силовые формы деятельности: в конце 90-х-начале 2000-х гг. численность вооруженных отрядов боевиков «Садвала» составляла порядка 14 тыс. человек, вследствие чего властями Азербайджана было принято решение о дислоцировании на приграничных территориях до четырех войсковых бригад [11, с. 114].

Следует отметить, что на протяжении всего постсоветского периода Азербайджан отрицает наличие «лезгинского вопроса» в государстве, отвергая любые предложения по федерализации или созданию национальной автономной области. Подобного курса азербайджанские власти придерживаются и в отношении других этнических групп, на что ключевое влияние оказывает наличие по-прежнему нерешенного нагорно-карабахского конфликта.

Определенную напряженность лезгино-азербайджанским отношениям придает религиозный аспект, главным образом, связанный со спецификой шиитско-суннитских взаимоотношений и со свойственными им многовековыми противоречиями. В апреле 2010 года несколько религиозных деятелей Республики Дагестан выступили с критикой политики действующих властей Азербайджана по отношению к представителям различных религиозных меньшинств, в частности, мусульманам-суннитам, к которым относятся и лезгины: «Мы, мусульмане России, возмущены и протестуем, что в соседнем мусульманском Азербайджане, где компактно и дружно веками проживают представители всех религиозных конфессий, разделяют мусульман по суннитским и шиитским взглядам и на этой почве закрывают мечети Аллаха» [10].

Обострение геополитического аспекта «лезгинского вопроса» произошло в 2011 году, когда Федеральной Лезгинской национально-культурной автономией (создана 9 апреля 1999 года) была проведена кампания против ратификации Договора о государственной границе между Россией и Азербайджаном, подписанного 3 сентября 2010 года президентами государств Дмитрием Медведевым и Ильхамом Алиевым. Согласно подписанному документу, Азербайджану передается водозабор реки Самур, вместе с двумя

лезгинскими поселениями-эксклавами Магарамкентского района Дагестана – Урьяноба и Храхова численностью 600 человек. Федеральной Лезгинской национально-культурной автономией были проведены различные акции протеста на территории Дагестана [8], направлены официальные обращения в Правительство России, Аппарат Полномочного представительства Президента в Северо-Кавказском федеральном округе, а также Министерство иностранных дел, однако, это никак не повлияло на принятие итогового решения: 17 июня 2011 года договор был ратифицирован российским парламентом [11, с. 116]. Подобное решение вызывает немало вопросов, прежде всего, относительно возможных рисков возрастания социально-политической напряженности в Магарамкентском районе Дагестана и дестабилизации межэтнической обстановки в Хачмазском районе Республики Азербайджан, в состав которого по итогам межгосударственного договора были включены поселения Храхова и Урьяноба.

До 1954 года эти села входили в состав Азербайджанской ССР, но в мае того же года, согласно постановлению Совета министров Советского Союза, были переданы на временных условиях Дагестанской автономной республике РСФСР в качестве пастбищных земель. В 1984 году решением Совета министров Азербайджанской ССР документ был пролонгирован, а в 2004 году срок действия документа истек: с этого периода Азербайджан претендует на полный контроль над данной территорией [8].

Поскольку до 2004 года поселения Храхова и Урьяноба представляли собой российский эксклав на территории Азербайджана, жители этих сел могли свободно перемещаться по территории Республики, но, начиная с 2004 года, время пребывания на территории Азербайджана для населения Храховы и Урьянобы было ограничено до трех дней с момента пересечения границы [12]. Специфика состоит в том, что абсолютное большинство населения Урьянобы и Храховы имеет только российские паспорта, что является инструментом манипулирования и давления со стороны властей Азербайджана. Как отмечается в докладе Международной группы по предотвращению кризисов, который был посвящен Северному Кавказу, начиная с 2007 года регулярно поступали жалобы жителей сел Храхова и Урьяноба на оказываемое давление со стороны азербайджанских властей, в частности, в документе акцентируется внимание на том, что Азербайджан принуждает население лезгинского анклава принимать гражданство Республики, либо уезжать на постоянное место жительства в Россию [7].

В 2013 году поступило официальное поручение президента России Владимира Путина от 13 августа 2013 года министерству регионального развития, министерству финансов, а также полномочному представителю президента в Северо-Кавказском федеральном округе о переселении жителей сел Урьяноба и Храхова с территории Республики Азербайджан на территорию Российской Федерации, а именно, Магарамкентский район Республики Дагестан. В 2013 году также была разработана целевая программа по переселению на территорию Дагестана 137 лезгинских семей, сумма которой составила 987 миллионов рублей [6]. Между поселениями Советское и Новый

аул Магарамкентского района, близ села Бут-Казмаляр, был выделен участок под строительство площадью 86 гектаров. Данная территория располагает необходимой инфраструктурой: имеется наличие газовых коммуникаций, высоковольтных электролиний, проходит канал с питьевой водой [9].

Казалось бы, подобные факторы должны были способствовать ускорению процесса строительства новых населенных пунктов для лезгинских переселенцев, однако, переселение граждан России с территории Азербайджана по-прежнему не завершено. Проблемы начались уже на начальном этапе строительства. В начале 2014 года жители села Храхоба не смогли встретиться с представителями строительной организации «Промжилстрой», выигравшей тендер на строительство, поскольку на месте юридической регистрации вместо кампании находилось кафе [6]. Как объяснил руководитель «Дирекции государственного заказчика-застройщика», в начале 2014 года финансирования целевой программы по переселению начато еще не было, поскольку необходимых средств выделено не было, а торги были объявлены, чтобы показать федеральным чиновникам, что тендер проведен и уже есть победитель [6].

В 2016 году в Министерстве Российской Федерации по делам Северного Кавказа было проведено совещание по вопросу обустройства на территории Республики Дагестан жителей сел Урьяноба и Храхоба. В ходе совещания было отмечено, что обустройство на территории Республики Дагестан переселенцев из данных населенных пунктов предусмотрено в рамках подпрограммы «Социально-экономическое развитие Республики Дагестан на 2016-2025 годы» Государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». В процессе реализации программы переселения с 2017 по 2023 годы предполагается построить 138 домов, школу, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, автомобильную дорогу и необходимую инженерную инфраструктуру [4].

Еще одним фактором, способствующим активизации лезгинского ирредентизма, является недовольство лезгинского социума относительно действующей системы распределения власти в Республике Дагестан. На протяжении 90-х годов политическое представительство этнических групп в Республике Дагестан гарантировалось как местными законами о выборах, так и республиканской Конституцией. До 2006 года роль высшего органа власти в республике играл Государственный Совет, избираемый Конституционным собранием. В состав Государственного Совета входили по одному представителю от всех 14 «титульных» народов Республики Дагестан, из числа которых впоследствии избирался председатель высшего органа власти [1, с. 69]. Специфика функционирования этого политического института состояла в том, что каждый член Государственного Совета имел право воспользоваться правом вето в процессе принятия любого политического решения, затрагивающего интересы своей этнической группы [1, с. 69]. Что касается законодательного органа власти, Народного Собрания, то здесь обеспечение представительства этнических групп происходило путем резервирования мест в парламенте за представителями «малых народов», а также через особую избирательную

систему, центральное место в которой играли национально-территориальные округа [1, с. 69].

Современное российское законодательство не содержит такого понятия, как «этническое квотирование»: после проведения федеральным центром политики по унификации правового поля внутри страны в начале 2000-х годов, региональные власти должны были исключить из местного законодательства положения, касающиеся квотного представительства этнических групп в органах государственной власти.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на изменения в законодательстве, проведенные федеральными властями в начале 2000-х годов, принцип этнического представительства полностью не ушел из российской политической практики, трансформировавшись за прошедшие 13-14 лет в неформальный политический институт. Как и ранее, наиболее активно он продолжает действовать в Республике Дагестан. Любопытным является то, что такие должности, как глава республики, председатель республиканского правительства и спикер парламента занимают исключительно представители трех этнических групп: аварцев, даргинцев и кумыков [1, с. 70]. Интересно, что подобная конфигурация сохраняется независимо от того, избирается ли глава республики через всенародное голосование, утверждается депутатами республиканского парламента, или назначается федеральным центром.

Подобная система распределения власти в республике является предметом недовольства представителей других этнических групп, в том числе, и лезгинского этноса. Представителями движения «Садвал» неоднократно высказывались претензии к институту этнического квотирования, который в настоящее время на неформальной основе действует в республике. В частности, руководители организации отмечали, что из 17 министерств в правительстве республики лишь одно возглавляет лезгин, а 19 комитетов правительства и иные структуры исполнительной власти и вовсе не возглавляются лезгинами [11, с. 118]. Следует отметить, что подобные недовольства представителей лезгинской организации «Садвал» говорят о наличии в современном Дагестане определенного социального заказа на неформальное этническое квотирование, которое многими жителями республики представляется «своеобразным компенсаторным механизмом достижения общественного согласия и этнополитического компромисса» [2, с. 354].

В настоящее время в Республике Дагестан действует пропорциональная избирательная система, которая, по мнению некоторых исследователей, не может способствовать эффективной институционализации связей между депутатами и определенными этническими сегментами общества. Как отмечает М.Х. Фарукшин, депутатов парламента из числа этнических меньшинств «никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию» [14, с. 35]. С подобной точкой зрения можно согласиться. Учитывая определенный запрос населения Дагестана на этническое квотирование,

целесообразным может стать принятие такого политического решения, как переход республики к мажоритарной избирательной системе, а также к парламентской форме правления, в рамках которой главой республики будет являться глава правительства, избираемый парламентом республики. Подобное решение может повысить эффективность этнического квотирования как неформального политического института и механизма поддержания социально-политической стабильности в республике. Переход к мажоритарной избирательной системе также позволит повысить институционализацию связей между законодательной ветвью власти республики и различными этническими сегментами общества.

Итак, переходя к выводам, следует отметить, что в настоящее время лезгинский ирредентизм представляет собой весьма серьезный геополитический фактор на Северном Кавказе, развитию которого способствуют две основные проблемы: передача Азербайджану в 2011 году российского эксклава – лезгинских поселений Храхова и Урьяноба, а также недовольство лезгинского этноса межэтническим распределением властных полномочий в Республике Дагестан. Говоря о вариантах решения обозначенных проблем, необходимо подчеркнуть, что наиболее оптимальным вариантом решения первой проблемы является реализация программы переселения российских граждан из сел Храхова и Урьяноба на территорию Российской Федерации, поскольку, как известно, закон обратной силы не имеет и, соответственно, какое-либо изменение Договора о государственной границе между Россией и Азербайджаном, ратифицированного 17 июня 2011 года, на данный момент невозможно. Что касается второй проблемы, то одним из возможных вариантов ее преодоления может стать внесение изменений в политическую и избирательную системы Республики Дагестан, предполагающих, в частности, переход республики к парламентской форме правления и мажоритарной избирательной системе, что позволит сделать более эффективным функционирование неформального института «этнического квотирования», который является одним из важнейших механизмов поддержания социально-политической стабильности в республике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Адиев А.З., Курбанов Р.Ш.* Распределение властных позиций в Дагестане: исследование политического представительства этнических групп в региональной власти // Социум и власть. - 2016. - № 4 (60). - С. 68-74.
2. *Астевацатурова М.А.* Этнополитические доктрины властных элит Северо-Кавказского федерального округа РФ // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2014. - № 4. - С. 352-357.
3. *Василик М.А., Вершинин М.С.* и др. Политология: словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001. 328 с. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm> (дата обращения: 07.06.2017).
4. *В Минкавказе России* обсудили решение проблем переселенцев из сел Храх-Уба и Урьян-Уба в рамках Госпрограммы социально-экономического развития СКФО //

Официальный сайт Министерства РФ по делам Северного Кавказа. 2016. 15 июн. URL: <http://minkavkaz.gov.ru/press-center/news/2121/> (дата обращения: 08.06.2017).

5. Гушер А. Лезгинский фактор // Азия и Африка сегодня. - 1999. - №7. - С. 3-11.

6. *Дагестанские переселенцы* жалуются на отсутствие информации о программе переселения // Информационное агентство REGNUM. 2014. 20 янв. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1756478.html> (дата обращения: 05.06.2017).

7. *Дагестану понадобилось 900 миллионов* на переселение лезгин из Азербайджана // Информационное агентство Lenta.ru. 2012. 26 дек. URL: <https://lenta.ru/news/2012/12/26/resettlement/> (дата обращения: 03.06.2017).

8. *Жители российского анклава* в Азербайджане провели митинг в Махачкале // Информационное агентство Lenta.ru. 2011. 8 фев. URL: <https://lenta.ru/news/2011/02/08/hrahuba/> (дата обращения: 02.06.2017).

9. *Жители села Храх-уба* получили надежду на переселение в 2014 году (Дагестан) // Информационное агентство REGNUM. 2013. 3 дек. URL: <https://regnum.ru/news/1740442.html> (дата обращения: 06.06.2017).

10. *Казенин К.* О чем Медведева не спросят в Азербайджане? // Информационное агентство REGNUM. 2010. 1 сен. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1320893.html> (дата обращения: 02.06.2017).

11. *Литвинова Т.Н.* Особенности институционализации этнонационального движения на Северном Кавказе России (на примере лезгин) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. - 2015. - № 1. - С. 110-122.

12. *Мирмаксумова А.* Рубли и манаты в одном кошельке // Российская газета. 2008. 13 мар. URL: <https://rg.ru/2008/03/13/reg-jugrossii/hrahuba.html> (дата обращения: 03.06.2017).

13. *Тесемникова Е.* «Великая Черкесия», «свой Лезгистан»... // Вестник Кавказа. 2011. 1 сен. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/42204> (дата обращения: 23.05.2017).

14. *Фарушкин М.Х.* Политическое представительство этнических групп // Вестник российской нации. - 2011. - № 4-5. - С. 24-44.

15. *Ethnic composition of Azerbaijan 2009* // Population statistics of Eastern Europe – pop-stat.mashke.org. URL: <http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic2009.htm> (date of access: 05.06.2017).

16. *Uznarodov D.I.* The specifics of the internal migration processes in the North Caucasus in the post-Soviet period // Science almanac of Black Sea region countries. - 2016. - № 2. - P. 22-26.

УДК 323.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-110-118

ЛЕЗГИНСКИЙ ИРРЕДЕНТИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФАКТОР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Д.И. УЗНАРОДОВ

ФГБУН Южный научный центр РАН,

Лаборатория казачества

344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается геополитический аспект проблемы лезгинского ирредентизма в постсоветский период, проводится анализ основных факторов, влияющих на ее развитие. Отмечается, что к таким факторам относятся передача Азербайджану в 2011 году в результате ратификации Договора о государственной границе между Россией и

Азербайджаном российского эксклава – лезгинских поселений Храхоба и Урьяноба, а также недовольство лезгинского этноса межэтническим распределением властных полномочий в Республике Дагестан. Делается вывод, что переход данных населенных пунктов в управление Республики Азербайджан может спровоцировать рост межэтнической напряженности на данных территориях, а также стать источником социально-политической нестабильности в районах компактного проживания лезгинского этноса на территории Республики Дагестан, где факт принятия этого политического решения был воспринят достаточно негативно со стороны местного населения. Одним из наиболее оптимальных вариантов решения данного вопроса может стать реализация программы переселения российских граждан из сел Храхоба и Урьяноба на территорию Российской Федерации. Что касается второй проблемы, то в качестве варианта ее преодоления предлагается внесение изменений в политическую и избирательную системы Республики Дагестан, предполагающих, в частности, переход республики к парламентской форме правления и мажоритарной избирательной системе, что позволит укрепить такой неформальный институт как этническое квотирование, являющийся механизмом достижения общественного согласия, этнополитического компромисса, а также социально-политической стабильности.

Ключевые слова: ирредентизм; Российская Федерация; Азербайджанская Республика; Северный Кавказ; Республика Дагестан; лезгинский этнос.

LEZGIN IRREDENTISM AS A GEOPOLITICAL FACTOR IN THE NORTH CAUCASUS

D.I. UZNARODOV

*Southern scientific center of the Russian Academy of Sciences,
Laboratory of studying of Cossacks
344006, Rostov region, Rostov-on-Don, Chekhova av., 41
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the geopolitical aspect of the problem of Lezgin irredentism in the post-Soviet period, analyzes main factors influencing on its development. It is noted that these factors include the transfer to Azerbaijan in 2011 of the Russian exclave – Lezgin settlements Khrakhoba and Uryanoba as a result of the ratification of the Treaty on the state border between Russia and Azerbaijan; the second factor is the displeasure of the Lezgin ethnic group with ethnic distribution of power in Republic of Dagestan. It is concluded that the transition of these settlements to the administration of the Republic of Azerbaijan can provoke the growth of interethnic tension in these areas and become a source of socio-political instability in areas of compact residence of the Lezgin ethnic group on the territory of the Republic of Dagestan, where the fact of adoption of this political decision was perceived rather negatively by the local population. One of the best solutions to this issue may be the implementation of the program of resettlement of citizens of Russia from villages Khrakhoba and Uryanoba to the territory of Russian Federation. As for the second problem, changes in the political and electoral system of the Republic of Dagestan, including, in particular, the transition to a parliamentary Republic form of government and majoritarian electoral system that will strengthen such informal institution as ethnic quotas, which is the mechanism for achieving social cohesion, ethno-political compromise, as well as socio-political stability is proposed as a variant of its solution.

Key words: irredentism; Russian Federation; Azerbaijan Republic; the North Caucasus; Republic of Dagestan; Lezgin ethnic group.